

Къ вопросу объ избраніи Саратовскаго Епархіальнаго епископа*).

Приступая къ выполненію возложенной Саратовскимъ Епархіальнымъ Начальствомъ на меня задачи въ Комиссіи, которая 14-го сего Іюля удостоила меня своего избранія въ ея предсѣдателя, долгомъ считаю доложить на ея обсужденіе слѣдующее:

Главнымъ, кореннымъ и основнымъ зломъ русской церковной жизни и русскаго церковнаго быта, по сужденію авторитетнѣйшихъ ученыхъ, издавна уже и до сихъ поръ является то обстоятельство, что наши русскія епархіи по своимъ размѣрамъ чрезвычайно велики, чудовищно велики, сравнительно съ епархіями древней вселенской Церкви и современными епархіями восточныхъ Православныхъ церквей. Наши нынѣшнія русскія епархіи во сто разъ, даже болѣе разъ больше древнихъ и нынѣшнихъ нерусскихъ православныхъ епархій. Это обстоятельство наложило свою темную печать на всю нашу церковную жизнь и является, дѣйствительно, зломъ главнымъ, первымъ и основнымъ. Имъ объясняется полная почти разобщенность между епископами и ихъ пасомыми, ихъ замкнутость; отсюда ихъ болѣзненная раздражительность и нервность, какъ результатъ крайняго переутомленія отъ непрерывной чрезмѣрной, непосильной работы и по отправленію богослуженія, и по бумажнымъ воистину безчисленнымъ дѣламъ и по пріемамъ посѣтителей. Недаромъ на этихъ пріемахъ, благодаря переутомленію и епископа и его безчисленныхъ посѣтителей, происходили эсцессы крайне скандальнаго свойства, о которыхъ я не считаю удобнымъ и говорить здѣсь; недаромъ сельское духовенство жилось въ губернскихъ городахъ—напр. въ Саратовѣ, не по одной недѣлѣ въ ожиданіи пріема у Владыки и уѣзжало не рѣдко не дождавшись и неудостоявшись этого пріема, или уѣзжало послѣ пріема на какую нибудь минуту для торопливой и совершенно неудовлетворительной для посѣтителя и просителя бесѣды епископа,—уѣзжало съ болью въ сердцѣ, съ ропотомъ и озлобленіемъ на всѣхъ и все. Отсюда

*) Предлагаемая вниманію читателей статья представляетъ собою докладъ въ Комиссію по выработкѣ правилъ объ избраніи епископа на вакантную Саратовскую кафедру. Этотъ докладъ былъ прочитанъ авторомъ на двухъ собраніяхъ, пастырскаго союза и Саратовскаго уѣзднаго Съѣзда духовенства и мірянъ Саратовскаго уѣзда и, по словамъ автора его, былъ выслушанъ съ исключительнымъ вниманіемъ и интересомъ и вызвалъ общее сочувствіе и одобреніе всѣхъ, кто его слушалъ. Многіе выразили желаніе, чтобы означенный докладъ появился въ печати.

1) Пр.т. Иванцовъ-Платоновъ—О „русскомъ церковномъ управленіи“. Изданіе С. Шаралова 1898 г. стр. 23. Пр.ф. Голубяскій въ „Исторіи Рус. церкви“ и другихъ тгудахъ.

проистекаетъ и такое неизбѣжное при такихъ условіяхъ зло, какъ господство при архіереяхъ ихъ временщиковъ и ближайшихъ прислужниковъ. Отсюда раболѣпство, прислужничество и низкокклонство со стороны духовенства не только предъ архіереями, но и предъ ихъ временщиками и прислужниками. Отсюда взяточничество, неправосудіе и проч. тому подобное. Въ самомъ дѣлѣ, русскій епископъ не имѣетъ никакой физической возможности подойти близко къ каждому лицу или дѣлу, котораго такъ или иначе требуютъ этого. Онъ поневолѣ долженъ довѣряться другимъ лицамъ, а среди этихъ другихъ лицъ всегда найдутся люди недостойные, которые злоупотребляютъ своею близостью къ архіерею, берутъ взятки, торгуютъ правосудіемъ и доходными мѣстами, оттираютъ отъ архіерея людей порядочныхъ и приближаютъ людей недостойныхъ, ловкихъ и хитрыхъ. Отсюда карьеризмъ, т. е. искательство архіерейства со стороны лицъ, которыхъ тянетъ къ нему не спасеніе душъ человѣческихъ, а обширная власть, богатство и почести. Все это, конечно, не новость, все это давно и хорошо извѣстно всѣмъ, кто имѣлъ необходимость или охоту присматриваться къ нашей епархіальной жизни, соприкасаться съ нею и задумываться надъ нею. Обо всемъ этомъ тысячекратно и на разные лады писалось и говорилось. Но до сихъ поръ изъ всего этого писанія и изъ всѣхъ этихъ разговоровъ *не получилось никакой серьезной и реальной пользы въ смыслъ улучшенія церковнаго быта и условій нашей церковной жизни.* Указанное коренное зло нашей церковной жизни остается въ силѣ и по сіе время, и у массы русскаго церковнаго общества *не видно, по моему наблюденію, даже желанія бороться съ нимъ, или нѣтъ въры въ самую возможность его искорененія.* Когда заводишь объ этомъ рѣчь съ кѣмъ либо изъ людей, разсуждающихъ теперь объ обновленіи церковной жизни, онъ какъ-то не охотно слушаетъ это, дѣлаетъ необдуманная и легковѣсная возраженія и старается перевести разговоръ на какую либо другую излюбленную тему. Такое отношеніе къ этому дѣлу, по моему глубокому убѣжденію, *дале не терпимо и не должно имѣть мѣста.* Надо, наконецъ, отъ словъ перейти къ дѣлу; надо начать когда нибудь дѣйствительную борьбу съ этимъ зломъ. Этой дѣйствительной борьбы требуетъ, прежде всего, здравый смыслъ и логика, безъ участія которыхъ немыслима, конечно, никакая разумная церковная реформа. Въ самомъ дѣлѣ, развѣ это разумно, развѣ это логично: указать, гдѣ корень зла, и отвернуться отъ него, чтобы заняться другими дѣлами?! Здравый смыслъ и логика говорятъ, что если найденъ и указанъ корень зла, то и надо, прежде всего, заняться изытіемъ изъ почвы этого корня зла, — зла въ его безчисленныхъ плодахъ и

проявленіяхъ. А въ дѣйствительности происходитъ вотъ что, для меня до сихъ поръ, по крайней мѣрѣ, непонятное и непостижимое.

Всѣмъ интеллигентнымъ людямъ изъ духовной и даже недуховной среды извѣстно теперь имя недавно умершаго профессора Московской Академіи Евгенія Е. Голубинскаго, автора обширной, хотя и незаконченной въ печати, Исторіи Русской Церкви. Авторитетъ его въ ученomъ мѣрѣ признанъ безспорно. Онъ нѣсколько лѣтъ былъ членомъ Академіи Наукъ. Это человѣкъ изумительной для русскаго человѣка эрудиціи и необычно прямой и откровенный въ своихъ сужденіяхъ. Сама высшая церковная власть преклонялась предъ его авторитетомъ и въ эпоху возникновенія нашей Государственной Думы, когда начали сочинять проекты церковной реформы, привлекала и его къ участию въ составленіи этихъ проектовъ. И что же произошло? Эготъ авторитетнѣйшій ученый и въ своей исторіи и въ своихъ проектахъ церковной реформы, напечатанныхъ недавно, уже послѣ его смерти, рѣшительно заявилъ, что главнымъ кореннымъ зломъ нашей церковной жизни является необычайная обширность нашихъ русскихъ епархій. Онъ же, кстати, въ своей исторіи и объяснилъ происхожденіе этого зла, какъ нельзя лучше. А когда онъ, т. е. профессоръ Голубинскій, подошелъ къ вопросу: что же намъ надо теперь дѣлать? то поистинѣ изумилъ меня своимъ отвѣтомъ. Правда, онъ заявляетъ въ своемъ проектѣ церковной реформы, что съ этого и надо начинать борьбу со зломъ, т. е. надо сократить, прежде всего, размѣры русскихъ епархій, или иначе—раздѣлить нынѣ существующія епархіи на болѣе мелкія. Я читая эти строки радовался и вполнѣ съ нимъ соглашался, и ждалъ, что онъ дальше, будучи послѣдовательнымъ, скажетъ, что каждую нашу епархію надо раздѣлить епархій на 50 или 60, примѣрно, по числу нашихъ благочинническихъ округовъ, а онъ вдругъ вмѣсто этого ошеломляетъ меня такимъ заявленіемъ: надо, прежде всего, каждую епархію раздѣлить на двѣ или на три. Я и теперь не могу понять, куда дѣвался въ этотъ моментъ обыкновенный здравый смыслъ у этого ученаго, предъ авторитетомъ котораго я всегда преклонялся и не напрасно; какъ не могу понять и того, для чего это онъ принялся послѣ солиднѣйшихъ ученыхъ трудовъ историческихъ писать какія-то убогія повѣсти для пропаганды своихъ идей о церковной реформѣ и обновленіи церковной жизни. Эти повѣсти такъ же идутъ къ нему, какъ идетъ къ Н. В. Гоголю его толкованіе на литургію, за которое, будь оно написано ученикомъ Семинаріи, я поставилъ бы ему съ сожалѣніемъ отмѣтку. 3—. Въ самомъ дѣлѣ, что получится отъ раздѣленія нашихъ чудовищныхъ по своимъ раз-

мѣрамъ епархій на 2 или 3, какъ предлагаетъ Е. Голубинскій? По моему мнѣнію—ровно ничего не получится. Въмѣсто одной чудовищной по размѣрамъ епархіи получится 2—3, если и не чудовищныхъ по своимъ размѣрамъ, то во всякомъ случаѣ далеко ненормальныхъ по своимъ размѣрамъ. Да и гдѣ же будутъ границы такихъ епархій? Искони и доселѣ границы тѣхъ или другихъ церковныхъ административныхъ округовъ приспособлялись къ границамъ тѣхъ или другихъ административныхъ гражданскихъ округовъ; напр. у насъ въ Россіи, со времени Екатерины II-й границы епархій въ общемъ (не касаясь исключеній) приурочены къ границамъ губерній. Это явленіе вполне естественное, даже неизбѣжное. Церковь не можетъ при устройствѣ своего управленія обойтись безъ ясно очерченныхъ границъ своихъ, такихъ или иныхъ, округовъ, а сама проводить эти границы не имѣетъ возможности, да и права; это дѣло государственное, а не церковное. А потому церкви по необходимости приходится приспособлять границы своихъ округовъ къ границамъ округовъ гражданскихъ. Такихъ ясно очерченныхъ границъ между проектированными профессоромъ Голубинскимъ епархіями не оказывается. Ихъ надо устанавливать путемъ перечисленія тѣхъ уѣздовъ, которые должны войти въ ту или другую епархію. Конечно, это возможно, допустимо и даже имѣетъ мѣсто и теперь, когда при малочисленности православнаго населенія въ томъ или другомъ краѣ нѣсколько даже губерній группируются въ одну епархію (Финляндія, Польша). Но не проще, не естественнѣе ли, не лучше ли во всѣхъ отношеніяхъ устроить такъ, чтобы границы нашихъ епархій въ ихъ ограниченномъ, сокращенномъ видѣ, совершенно *совпадали* съ границами гражданскихъ округовъ? Такими гражданскими округами сами собою напрашиваются быть признанными наши русскіе уѣзды. И такъ раздѣленіе почти всѣхъ (исключеній не будемъ касаться) русскихъ епархій на отдѣльныя самостоятельныя епархіи, не на двѣ или на три каждая, а по числу уѣздовъ, т. е. приблизительно раздѣленіе каждой епархіи на 10 частей, съ тѣмъ, чтобы въ каждомъ уѣздномъ городѣ былъ самостоятельный Епископъ, *вотъ что требуется съѣлатъ прежде всего*, это будетъ дѣйствительное сокращеніе размѣровъ епархій и дѣйствительное ихъ умноженіе, которое не замедлитъ измѣнить къ лучшему всю нашу церковную жизнь, весь нашъ церковный бытъ. Тогда, м. проч., можно будетъ вести серьезную рѣчь и о митрополичьихъ округахъ въ Россіи и о соборахъ епископовъ. При современномъ же строѣ Русской церкви не можетъ быть и серьезной рѣчи ни о митрополичьихъ округахъ въ смыслѣ древне-церковномъ, ни о соборахъ епископовъ, ибо тѣхъ и другихъ *такъ мало*, что и группировать

почти некого для образованія этихъ округовъ и этихъ соборовъ. И такъ если, что безспорно, русская революція сдѣлала неизбежною и необходимою реформу русскаго церковнаго быта и русскаго церковнаго строя въ цѣляхъ его улучшенія, *то здравый смыслъ повелительно требуетъ начать это дѣло реформы съ уничтоженія именно этого перваго, кореннаго зла русской церковной жизни, а не съ чего либо другаго*; иначе дѣло реформы пойдетъ неправильнымъ, кривымъ путемъ, и мы не достигнемъ, того, чего желаемъ и къ чему стремитса, т. е. крупнаго улучшенія церковнаго быта и строя. Пора, наконецъ, пора и *надо непремѣнно начать эту работу* и не откладывать ее на неопредѣленное время, п. ч. при такомъ откладываніи мы никогда не дождемся ея осуществленія, а безъ этой реформы всѣ остальные не дадутъ того, чего отъ нихъ ожидаютъ, т. е. дѣйствительнаго возрожденія и обновленія церковной жизни. Саратовская епархія въ настоящее время, благодаря вакантности епископской кафедры, находится въ исключительно благопріятныхъ условіяхъ для того, чтобы начать эту великую реформу и показать примѣръ другимъ епархіямъ, которыя, конечно, не замедлятъ послѣдовать этому примѣру. Не нужно упускать этого благопріятнаго времени и надо немедленно приступить къ дѣлу. И вотъ почему. Благодаря вакантности нашей кафедры у насъ *нѣтъ* теперь *того главнаго препятствія, которое неизбежно встрѣтитъ эта реформа теперь*, какъ встрѣчала и раньше. Этимъ препятствіемъ является—рѣшительное нежеланіе, если не всѣхъ, то большинства нашихъ епископовъ, при всей неизмѣримой трудности ихъ служенія, расставаться съ тѣмъ объемомъ власти и тѣми епархіальными средствами, какими они теперь пользуются, благодаря необычайной обширности русскихъ епархій. А обойти и преодолѣть это препятствіе крайне трудно, что показываетъ и наша извѣстная исторія. Передовые, болѣе сознательные люди русскаго общества давно замѣчали это зло нашей церковной жизни и пытались бороться съ нимъ, но безуспѣшно, потому что сталкивались съ этимъ непреодолимымъ доселѣ препятствіемъ. Жители богатаго въ древности г. Пскова нѣсколько столѣтій добивались того, чтобы имъ дали особаго епископа, однако вплоть до учрежденія на Руси патріаршества не могли добиться успѣха, потому что Новгородскіе владыки и отчасти Московскіе не хотѣли выпустить этого города изъ своихъ рукъ, хотя въ интересахъ церковныхъ самостоятельный епископъ для Пскова былъ дѣйствительно крайне нуженъ. Послѣ учрежденія на Руси патріаршества наше *гражданское* (къ стыду представителей церкви) *правительство* два раза поднимало серьезно вопросъ объ умноженіи русскихъ епархій: въ 1-й разъ это было сдѣлано при Алексѣѣ Михаило-

вичѣ на извѣстномъ большомъ Московскомъ Соборѣ 1667 г., а во второй разъ при Θεодорѣ Алексѣевичѣ на Соборѣ 1682-го года; но и въ томъ и другомъ случаѣ гражданское правитель-ство не имѣло успѣха. „Противъ увеличенія числа епархій были и патріархъ и другіе архіереи, говоритъ проф. Знаменскій въ своей Исторіи Русской Церкви (изд. 1896 г. стр. 229-я), потому что оно необходимо повело бы за собою *невыгодное для нихъ* (не о благѣ церкви, значить. заботы..) дробленіе ихъ епархій“. Нѣтъ пока никакихъ основаній думать, чтобы и епископы нашего времени, взятые въ своемъ большинствѣ, отнеслись къ дѣлу иначе, чѣмъ епископы 17 вѣка, и чтобы *охотно* согласились на раздробленіе своихъ епархій. Доколѣ же русское общество будетъ уступать этой вредной для блага церкви архіерейской оппозиціи благову дѣлу? И можно ли допустить эту уступчивость въ XX вѣкѣ, послѣ великой русской революціи!!

Съ такимъ сознаніемъ и съ такимъ убѣжденіемъ я и рѣшился послужить благу церкви по мѣрѣ своихъ силъ послѣ этой революціи, когда начались собранія и разсужденія объ обновленіи и возрожденіи церкви, т. е. рѣшился, по мѣрѣ своихъ силъ, содѣйствовать искреченію главнаго зла русской церковной жизни. Вопросъ о раздѣленіи Саратовской епархій на нѣсколько самостоятельныхъ епархій былъ поднятъ мною со всею ясностью и опредѣленностью на минувшемъ епархіальномъ съѣздѣ духовенства и мірянъ въ Апрѣлѣ сего года. Зная, что этотъ съѣздъ не компетентенъ въ рѣшеніи этого вопроса, касающагося не одной Саратовской епархій, я не настаивалъ на томъ, чтобы съѣздъ вынесъ по этому вопросу какое либо опредѣленное рѣшеніе, а просилъ только участниковъ съѣзда *подумать серьезно надъ этимъ новымъ для нихъ вопросомъ* и послѣ, напр. на слѣдующемъ епархіальномъ собраніи, высказаться опредѣленно. Избранный на этомъ собраніи представителемъ Саратовской епархій на Всероссійскій Съѣздъ духовенства и мірянъ въ г. Москвѣ, я долго колебался, нужно ли мнѣ отправляться на этотъ съѣздъ или нѣтъ, могу ли я что либо сдѣлать на этомъ съѣздѣ, или нѣтъ, и, наконецъ, рѣшился отправиться, главнымъ образомъ, если не исключительно, для того, чтобы заставить этотъ съѣздъ не уклоняться отъ разсмотрѣнія и рѣшенія этого вопроса объ умноженіи русскихъ епархій. Заинтересованный больше всего этимъ вопросомъ, отправляясь на Съѣздъ въ Москву, я заявилъ Преосвященному Досиѣю о своемъ намѣреніи настойчиво проводить на Московскомъ Съѣздѣ мысль о необходимости раздѣленія русскихъ епархій по уѣздамъ, и спросилъ, каково его мнѣніе объ этомъ предметѣ. Преосвященный Досиѣй выразилъ на словахъ полное согласіе со мною въ воззрѣніяхъ на этотъ пред-

меть и далъ мнѣ свободу слова на Московскомъ Сѣздѣ по этому вопросу. И дѣйствительно я достигъ того, чего желалъ,—достигъ по крайней мѣрѣ на Московскомъ Всероссийскомъ Сѣздѣ. Записавшись въ секцію, которая работала надъ реформою церковнаго управленія, я внимательно слѣдилъ за всѣмъ ходомъ ея работъ и поставилъ этотъ вопросъ *такъ рѣшительно*, что многіе тамъ же благодарили меня за такую постановку. Послѣ непродолжительныхъ споровъ по этому вопросу секція приняла мой проектъ раздѣленія русскихъ епархій по уѣздамъ и внесла этотъ проектъ, вмѣстѣ съ общимъ проектомъ реформы административнаго строя русской церкви, *въ пленарное засѣданіе Московскаго Всероссийскаго Сѣзда 11 Іюня сего года, и это пленарное засѣданіе приняло этотъ проектъ безъ всякихъ возраженій*. Я несказанно обрадовался такому результату; а когда въ газетахъ прочиталъ, что и Комиссія при Св. Синодѣ, независимо отъ Московскаго Сѣзда, признала этотъ проектъ *серьезнымъ, заслуживающимъ серьезнаго вниманія*, я возымѣлъ смѣлую надежду на то, что корень зла русской церковной жизни скоро будетъ изъять изъ благопріятной для него почвы... Но по прибытіи со сѣзда изъ Москвы я векорѣ былъ официально увѣдомленъ, что здѣсь уже образована Епископскимъ Совѣтомъ особая Комиссія для выработки правилъ для избранія епископа на Саратовскую кафедру и что я должечъ принять самое дѣятельное участіе въ работѣ этой Комиссіи; а 14-го сего Іюля эта Комиссія избрала единогласно меня своимъ предѣдателемъ. И вотъ оказалось крайне странное для меня положеніе: я глубоко убѣжденъ, что для блага Саратовской епархіи нужно избрать не одного, а 10 архіереевъ; убѣжденъ, что время для этого самое благопріятное, ибо кафедра вакантна и главное препятствіе къ осуществленію реформы отсутствуетъ; что необходимо этимъ воспользоваться, чтобы не упускать этой благопріятной возможности и послѣ не раскаиваться; а меня побуждаютъ *позаботиться поскорѣе о замѣщеніи именно одной Саратовской кафедры*, оставляя въ сторонѣ вопросъ о раздѣленіи епархіи на части. Работать при такихъ условіяхъ для меня становится крайне затруднительно ибо приходится работать противъ своихъ убѣжденій, давать дѣлу направленіе совсѣмъ нежелательное и по моему убѣжденію вредное для церкви. А посему, прежде чѣмъ выработать и писать правила для выбора епископа на Саратовскую кафедру, я предложилъ бы Комиссіи послѣдовать примѣру Великаго реформатора русской жизни—Петра Великаго, который, задумавъ широкую реформу церкви и опасаясь встрѣтить рѣшительное препятствіе со стороны русскаго Патріарха, рѣшилъ въ 1700 г., послѣ смерти Патріарха Адріана, не поставлять ему

преемника, т. е. новаго Патріарха, а назначилъ только мѣстоблюстителя Патріарш. престола въ лицѣ Стефана Яворскаго и продолжилъ это мѣстоблюстительство на цѣлыхъ 20 лѣтъ, т. е. до упраздненія самаго Патріаршества и до открытія Св. Синода, т. е. предложилъ бы Комиссіи *не спѣшить избраніемъ Саратовскаго Епископа*, а воспользоваться этимъ благопріятнымъ условіемъ для окончательнаго рѣшенія вопроса о раздѣленіи Саратовской епархіи на части по уѣздамъ. А для сего необходимо выслушать мнѣніе объ этомъ духовенства и мірянъ *разныхъ уѣздовъ* Саратовской губерніи, ибо они въ этомъ заинтересованы и на томъ же Московскомъ Сѣздѣ, въ лицѣ своихъ представителей, признали желательнымъ, если не необходимымъ осуществленіе этой реформы... Сносительно Царицынскаго и Вольскаго уѣздовъ я не допускаю и сомнѣнія въ томъ, что они будутъ добиваться для себя самостоятельныхъ архіереевъ, и мы должны оказать имъ содѣйствіе, а не препятствовать имъ въ этомъ благомъ дѣлѣ своимъ *торопливымъ, безъ всякой нужды, избраніемъ архіерея для Саратовской епархіи вообще*. А потомъ, конечно, необходимо незамедлительно снестись по сему предмету съ Святѣйшимъ Синодомъ и рѣшительно *запросить его*: есть ли надежда на скорое осуществленіе предположенной на Московскомъ Сѣздѣ реформы, или нѣтъ и потомъ уже дѣйствовать, сообразно съ тѣмъ или другимъ отвѣтомъ. Смѣю увѣрить Комиссію, что дѣло *стоитъ того, чтобы его серьезно обдумать и не торопиться*, чтобы не испортить его непоправимо. Ошибка здѣсь можетъ сказаться такою же роковою, какъ и ошибки знаменитыхъ реформатскихъ соборовъ XV в. на западѣ: Пизанскаго, Констанцскаго и Базельскаго. Всѣ эти три собора, задавшіеся цѣлью преобразовать Католическую церковь „во главѣ (папство) и членахъ“, *портили въ корнѣ всю реформатскую работу тѣмъ, что*, слушая лукавыхъ совѣтовъ папскихъ кардиналовъ, прежде чѣмъ начать реформу церкви, *избирали послѣ законнаго соборнаго суда и низложенія наличныхъ папъ, производившихъ соблазнъ и смуту въ католической церкви, того или другого, новаго папу*, который и сводилъ на нѣтъ всю ихъ работу. *) Правда, что у насъ нѣтъ папства въ строгомъ смыслѣ, но правда и то, что наши епископы доселѣ въ извѣстномъ смыслѣ были очень похожи на папу и въ свсихъ воззрѣніяхъ недалеки были отъ папства.

Протоіерей *Геннадій Махровскій*.

*) См. подробнѣе объ этомъ въ учебникѣ по Церковной Исторіи Евгр. Смирнова.